

Научная статья

УДК 94

DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_99

Формирование российско-корейского фронтира с 1858 по 1884 год в отечественной историографии

С. П. Ким

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
sergeypkim@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется отечественная историография формирования российско-корейского фронтира в период с 1858 по 1884 год. Изучение российско-корейского фронтира включает в себя исследование вопросов, связанных с колонизацией Приморья и установлением российско-корейских взаимоотношений. При анализе используются общенаучные методы: дедуктивный и индуктивный. Проведенное исследование показывает, что малоизученными остаются культурно-антропологические особенности взаимодействия двух народов в пограничной зоне в исследуемый период.

Ключевые слова: Россия, Корея, фронт, договор 1884 г., договор 1886 г., миграция, Южно-Уссурийский край

Благодарности: Данное исследование подготовлено в рамках реализации научно-исследовательского проекта РФФИ «Формирование российского фронтира в Азиатско-тихоокеанском регионе в 1727–1860 гг.» (проект № 20-09-00340 А).

Для цитирования: Ким С. П. Формирование российско-корейского фронтира с 1858 по 1884 год в отечественной историографии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2(847). С. 99–106. DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_99

Original article

The Establishment of the Russian Korean Frontier in 1858 to 1884 in Russian Historiography

Sergey P. Kim

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
sergeypkim@gmail.com

Abstract. This paper analyzes the Russian historiography of the establishment of the Russian Korean frontier in 1858–1884. The analysis shows that the study of the frontier, even considering conventionality of its definition as a scientific term, includes the study of a number of issues related to the colonization of Primorye and the establishment of Russian Korean relations. The analysis bases on both deductive and inductive methods. The conducted research shows that the cultural and anthropological features of the interaction of the two peoples in the border zone during the studied period remain poorly studied, especially in the reflection of foreign sources.

Keywords: Russia, Korea, frontier, treaty of 1884, treaty of 1886, migration, South Ussuri region

Acknowledgments. This study was prepared as part of the implementation of the RFBR research project “Formation of the Russian Frontier in the Asia-Pacific region in 1727–1860” (project No. 20-09-00340 A).

For citation: Kim, S. P. (2022). The establishment of the Russian-Korean frontier in 1858 to 1884 in Russian historiography. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(847), 99–106. 10.52070/2500-347X_2022_2_847_99

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы исследователи для обозначения условной зоны, отделяющей одну этнокультурную область от другой, все чаще используют понятие «фронтир» («frontier»). Термин был введен в научный оборот известным американским историком Ф. Дж. Тёрнером (Frederick Jackson Turner) в 1893 г. в работе «Фронтир в американской истории» [Turner, 1920].

На данный момент отсутствует строгая методология применения понятия «фронтир» по отношению к российской истории, во всем ее региональном многообразии.

Цель данной работы состоит в том, чтобы проанализировать историографию российско-корейского фронтира в период его формирования с 1858 по 1884 год. Задачи данной статьи: 1) рассмотреть содержание понятия применительно к российско-корейским отношениям, предпринять попытку определить границы области применения термина; 2) определить степень изученности темы; 3) выявить перспективы исследования.

Нижние хронологические рамки данной работы обусловливаются тем, что в 1858 г., согласно Айгунскому договору, Приамурье входит в состав Российской империи. Верхние хронологические рамки обусловливаются тем, что 7 июля 1884 года между Российской Империей и Корейским Королевством было подписано соглашение, согласно которому государства закрепляют сухопутную границу по реке Туманган, а также определяют пограничную зону для торговли шириной 20 ли (около 10 км). Это обстоятельно позволяет говорить о том, что в рассматриваемый период и происходит формирование фронтира.

Раскроем содержание фронтира как научного понятия применительно к российско-корейским отношениям в период с 1858 по 1884 год.

РОССИЙСКО-КОРЕЙСКИЙ ФРОНТИР: СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ И ОБЛАСТЬ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ О РОССИЙСКО-КОРЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В XIX веке

Содержание понятия

Для определения научного содержания термина «фронтир» и выявления области его применения мы используем общенаучные методы: дедуктивный и индуктивный на основе принципа историзма. Материалом работы являются отечественные работы по исследуемой теме.

Исследователи до сих пор не пришли к единому мнению по вопросу о понятийных, хронологических и географических границах применения этого термина с учетом особенностей российской истории [Андреева, 2014; Соболева, Бобров, 2011; Панарина, 2010; Басалаева, 2012]. Так или иначе проблематика фронтира, безусловно, связана с колонизацией земель. Представляется обоснованным мнение В. Н. Косторниченко, который предложил под фронтиром понимать зону освоения новых территорий, область (полосу) взаимодействия разных культур в ходе процесса колонизации [Косторниченко, 2020]. В. Н. Косторниченко и П. А. Сирватко отмечают, что проблематика фронтира должна исследоваться в неразрывной связи с эволюцией институтов власти, внешней и внутренней политикой государства [Косторниченко, Сирватко, 2021].

Область применения понятия

Становится возможным выделить три аспекта проблем истории колонизации: политico-географический, миграционно-демографический, а также этноантропологический. В. Н. Косторниченко выделил также экономическое направление в изучении фронтира и указывал на необходимость исследования не только этнологического, но и гендерного аспектов фронтира [Косторниченко, 2021; Косторниченко, Сирватко, 2021]. Политico-географический аспект включает в себя исследование становления государственных внутренних или внешних границ между освоенными и неосвоенными землями: миграционно-демографический (колонизация Уссурийского края и формирование на ее территории особой социальной общности) и этноантропологический (этнокультурные особенности корейских переселенцев).

Освоение Приморья и Дальнего Востока началось в XVIII и активно продолжалось в XIX в. К середине XIX в. назрела необходимость фиксации российско-китайской границы. 2(14) ноября 1860 г. в Пекине был подписан Пекинский трактат – Договор о границах и торговле, согласно которому весь левый берег от р. Аргуни до устья р. Амур, а также от р. Уссури к востоку объявлялась территорией Российской Империи [Пак Б. Б., 2007]. К 1895 г. на территории России проживало уже 15511 человек. Российское население также планомерно увеличивалось: к 1882 г. в Южно-Уссурийском крае было зафиксировано уже 3849 человек [Иванова, 2007].

Отметим, что с 1858 по 1884 год на российско-корейской границе формируется особая пограничная зона с фактически нерегулируемой границей, которую свободно пересекали и с одной,

и с другой стороны. Сосуществование гражданского русского и корейского населения при отсутствии закрепленной государственной границы между Российской Империей и Королевством Корея дает основание говорить о том, что в рассматриваемый период складывался российско-корейский фронтонир. Спецификой российско-корейского фронтира может служить низкая плотность населения, вследствие чего возникают сложности в определении границы той самой «свободной» к освоению земли.

Важной частью проблемы становления фронтира является история миграции корейского населения во второй половине XIX в. Мигрирующие корейские переселенцы из корейской провинции Хамгён (Хамгёндо) мирно сосуществовали с российским населением, образовывались деловые и культурные контакты. Вследствие этого становится возможным исследовать антропологический аспект фронтира в рамках культурного взаимодействия российского и корейского населения, которое появлялось в ходе заселения территории Южно-Уссурийского края, и расширения торговли.

Изучение третьего аспекта фронтира также становится возможным благодаря тому, что практически с самого начала миграции северокорейского населения вглубь новоприсоединенного Южно-Уссурийского края возник вопрос о подданстве корейцев, фактически бежавших из Хамгёндо в поисках свободных земель для ведения хозяйства. Исследователи-корееведы также достигли успехов в определении того, как вопрос о корейских переселенцах влиял на российско-корейские отношения во второй половине XIX в. [Пак Б. Б., 2007; Иванова, 2007]. Учитывая малонаселенность всего российского Дальнего Востока, условность границ, активно происходившие миграционные процессы, можно говорить о том, что в рассматриваемый период в Южно-Уссурийском крае складывается уникальная общность со своими культурными и социально-психологическими особенностями.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ФРОНТИРА В ИСТОРИОГРАФИИ РОССИЙСКО-КОРЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XIX веке

Становление российско-корейской пограничной зоны (политико-географический аспект фронтира)

Становление российско-корейской пограничной зоны является одной из важных тем в проблеме формирования фронтира. Прежде всего отметим известный труд А. Л. Нарочницкого «Колониальная

политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895» [Нарочницкий, 1956], в котором российско-корейские отношения рассматривались в комплексе проблем международных отношений в Юго-Восточной Азии. В постсоветский период вопросы общей политики петербургских властей в отношении колонизируемого Российской империей Дальнего Востока рассматривались А. В. Ремневым, внесшим видный вклад в разработку проблем фронтира. Исследователь показал, что освоение Приамурья стало одним из приоритетных целей региональной политики России к середине 1850-х гг. [Ремнев, 2001].

Фундаментальной работой по истории российско-корейских отношений во второй половине XIX в. является монография Б. Д. Пака «Россия и Корея», впервые изданная в 1979 г. и переизданная в 2004 г. [Пак Б. Д., 2004]. Хотя работа Б. Д. Пака не является первой научной работой, осветившей некоторые стороны российско-корейских отношений, в ней впервые были комплексно рассмотрены вопросы взаимоотношения двух стран.

Российско-корейские отношения по отечественным и зарубежным источникам были рассмотрены в диссертации Ю. Е. Пискуловой «Российско-корейские отношения в середине XIX – начале XX века», которая изучила российско-корейские связи до заключения российско-корейского договора 1884 г., а затем – российско-корейские отношения в период, когда Россия потеряла статус важного партнера королевства Чосон [Пискулова, 2002].

Б. Б. Пак в своем диссертационном исследовании «Российская дипломатия и Корея (1876–1898)» продолжила изучение тем, затронутых ее отцом: «корейский вопрос» в период возникновения русско-корейских пограничных связей, заключение русско-корейских торгово-экономических договоров 1884 и 1888 гг., а также развитие российско-корейских отношений до 1898 г., когда российское политическое влияние в Корее было вытеснено Японией. Исследования Б. Д. Пак и Б. Б. Пак внесли видный вклад в историографию вопросов приграничных отношений России и Кореи.

*Миграционные процессы в российско-корейском фронтире.
Социокультурные контакты. Вопросы демографии Уссурийского края (миграционно-демографический аспект фронтира)*

Представляется неверным включать ряд дореволюционных работ, таких как очерки П. Ф. Унтербергера, Ф. Ф. Буссе, труды Амурской экспедиции и др. в раздел историографии [Буссе, 1896; Унтербергер, 1900]. Они являются красноречивыми

памятниками тогдашнего времени о содержании дискуссий вокруг перспективности принятия корейского населения в российское подданство, а также вокруг так называемой «желтой угрозы». Исторические очерки появляются после 1917 г. В 1926 г. в виде исторических очерков была выпущена работа С. Д. Аносова «Корейцы в Уссурийском крае» [Аносов, 1928]. В ней были не только собраны статистические данные о количестве переселившихся корейцев, но и аккумулированы сведения из очерков и статей официальных лиц, служивших в краевом управлении. По признанию самого С. Д. Аносова очерк не является законченным, а сведения, собранные автором, не могут считаться полными.

Одной из первых научных работ, посвященных корейцам в СССР, является работа Ким Сын Хва «Очерки по истории советских корейцев», в которой были раскрыты причины начала заселения корейскими подданными российского Дальнего Востока [Ким Сын, 1965]. Автор очерка рассмотрел первые административные положения, изданные российскими властями в отношении корейских переселенцев, обосновавшимся в России, их правовое и экономическое положение, процессы социального расслоения в корейском обществе. Очерки Ким Сын Хва сформировали историографическую базу для дальнейшего исследования этой темы. В 1990-е гг. к истории корейцев в России обращалась также С. Г. Нам [Нам, 1998].

А. И. Петров в своей монографии «Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60–90-е годы XIX века» тему миграции корейского населения изложил с научной строгостью, проанализировав имевшуюся на тот момент историографию, выделив этапы корейской иммиграции [Петров, 2000]. Новшеством стало изучение культуры корейцев, проживавших в рассматриваемый период в России.

Процесс колонизации Южно-Уссурийского края российскими переселенцами во второй половине XIX в. был рассмотрен в коллективной работе Б.Д. Пака и Н.Ф. Бугая «140 лет в России. Очерк истории российских корейцев» [Пак Б. Д., Бугай, 2004]. Исследователи выявили, что, поскольку русская колонизация края по существу началась в 1883 г., корейцы приносили пользу kraю в выращивании сельскохозяйственных культур. Такая деятельность не осталась незамеченной, и в 1886 г. было принято решение переселять корейцев с приграничной полосы на Амур, правые притоки р. Уссури-Кии и Хорь, а также в Ольгинский уезд Южно-Уссурийского края, в то же время препятствуя приходу новых волн корейских подданных.

Относительно этапов миграции исследователи на редкость единодушны. Если А. И. Петров

в истории миграции корейцев выделил только два периода (1860–1884, 1884–1897), то Б. Д. Пак разделяет первый период еще на два этапа: 1860–1868 и 1869–1884. На первом этапе переселение корейских мигрантов не носило массовый характер. На втором этапе происходила уже массовая миграция корейского населения, даже несмотря на то, что за самовольный выезд за пределы Кореи корейцам грозило наказание. При этом ряд зарубежных исследователей полагает, что положение корейских переселенцев было таким же тяжелым, как в Корее, из которой они бежали вследствие высоких податей и притеснения чиновниками [Ким Хе, 2008].

Расселение корейцев по о. Сахалин часто не рассматривается при изучении вопроса миграции корейского населения в Россию в XIX веке. Тем не менее А. Т. Кузин, исследуя историю корейского населения российского Сахалина, считает, что обособление сахалинских корейцев от основной части переселенцев, заселявших Приморье, началось в конце XIX в. [Кузин, 2011].

Культурно-антропологическое взаимодействие российского и корейского населения (этноантропологический аспект фронтира)

Культурные контакты русских и корейцев как отдельная проблема формирования фронтира были исследованы в диссертации Л. В. Ивановой «Исторический опыт культурного взаимодействия русских и корейцев (середина XIX – начало XX вв.)» [Иванова, 2007]. Характерной чертой российско-корейского культурного взаимодействия, по мнению Л. В. Ивановой, являлось то, что оно носило взаимообоюдный и толерантный характер [там же].

Создание единой, уникальной общности на российско-корейской границе также становилось объектом исследований. Е. Н. Фаттахова в своей работе сравнила адаптацию и интеграцию корейских диаспор в Российской Империи и США в конце XIX – начале XX вв. [Фаттахова, 2004]. Исследователь сформулировала главную отличительную черту государственной политики российских властей в отношении иммигрантов – полная ее зависимость от личных притязаний (симпатий) генерал-губернаторов, в то время как в США существовала оформленная законами правовая концепция и практика [там же]. Комплексное социально-экономическое влияние корейских и китайских мигрантов было проанализировано в диссертации С. А. Тесленко «Китайская и корейская миграция на Дальний Восток России и ее влияние на социально-экономическое развитие региона (1860–1917)» [Тесленко, 2007].

Исторические науки

Распространение православия во второй половине XIX в. как важный фактор интеграции корейских переселенцев было рассмотрено в диссертационном исследовании Хон Чжом Сук «Миссионерская деятельность русской православной церкви среди корейцев на русском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв.» [Хон, 2009]. Исследователь подтвердил обоснованность тезиса о том, что обращение корейцев в православную веру являлось одним из инструментов интеграционной политики.

Проблематика непосредственно российско-корейской «контактной зоны» была выделена из всей массы историографических проблем пока только в главе Г. Н. Кима и Росса Кинга «Северный регион Кореи по материалам российских источников, 1860–1913 годы» из коллективного труда «Северный регион Кореи: история, идентичность и культура» [Kim, King, 2021]. Хотя авторы использовали преимущественно уже введенный в научный оборот материал, работа содержит ряд тезисов, представляющих ценность для исследования проблем российско-корейского фронтира.

Ряд работ был целиком посвящен историографии российско-корейских отношений, пограничных и культурных отношений. Так, в диссертационном исследовании Т. М. Симбирцевой «Современная (1984–2001) южнокорейская историография о характере раннего периода русско-корейских отношений (до 1895 г.)» был сделан вывод о том, что миф о русской угрозе является краеугольным камнем южнокорейской историографии (до 2001 г.) русско-корейских отношений XVII по конец XIX вв. [Симбирцева, 2002]. Во вводной статье Ж. Г. Сон «Корейцы: миграция по пути длиной в полвека (1864–1918)» к сборнику документов «Миграция корейцев на русский Дальний Восток:

российско-корейские отношения. 1821–1918 гг. Документальная история» проанализирована историография корейской миграции, собраны основные документы, освещавшие процесс переселения корейцев в Южно-Уссурийский край [Сон, 2017].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следует сделать следующие выводы. Дипломатические отношения России и Кореи в период их становления, а также история миграции корейского населения в Южно-Уссурийский край являются наиболее исследованными темами, которые входят в комплекс вопросов, связанных со становлением российско-корейского фронтира. Наилучшим образом изучен политico-географический аспект фронтира как научного понятия, а также миграционно-демографический аспект: формирование уникальной общности корейцев – подданных Российской империи со своим самосознанием и культурной средой. В меньшей степени изучены этноантропологические вопросы взаимоотношений русского и корейского населения в «порубежной» зоне, в условиях незакрепленной межгосударственной границы. Пока не исследовался экономический и гендерный аспекты российско-корейского фронтира.

Большая часть отечественных источников введена в научный оборот и проанализирована исследователями, в то время как зарубежные, в первую очередь, северокорейские документы исследователями не изучались. Их использование позволит обогатить уже, казалось бы, хорошо изученную тему, а также более полно осветить особенности социоантропологических взаимоотношений русского и корейского населения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Turner F. J. *The frontier in American history*. New York: H. Holt and company, 1920.
2. Андреева А. А. «Фронтир» как культурно-историческая категория // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2014. № 3. С. 11–15.
3. Соболева Т. Н., Бобров Д. С. Современная российская историография концепции фронтира // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4–1(72). С. 189–193.
4. Панарина Д. С. Фронтир как один из факторов и мифов американской истории // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 4. С. 80–88.
5. Басалаева И. П. Критерии фронтира: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 46–49.
6. Косторниченко В. Н. Историография возникновения термина «фронтир» // Наука без границ: синергия теорий, методов и практик: материалы Международной научной конференции ; отв. ред. О. К. Ирисханова. М. : ФГБО ВО МГЛУ, 2020. С. 79–81.
7. Косторниченко В. Н., Сирватко П. А. Фронтир: генезис, основные положения, развитие (Историографический очерк) // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 2. Т. 51. С. 72–89.
8. Косторниченко В. Н. Основные тенденции в исследовании проблематики «фронтира» в западной историографии // Экономическая история: ежегодник. 2021. Т. 2020. С. 489–503.

9. Пак Б. Б. Российская дипломатия и Корея: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007.
10. Иванова Л. В. Исторический опыт культурного взаимодействия русских и корейцев (середина XIX – начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2007.
11. Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1956.
12. Ремнев А. В. Имперское пространство России в региональном измерении: дальневосточный вариант // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М. : Московский общественный научный фонд, 2001. С. 317–345.
13. Пак Б. Д. Россия и Корея. М. : Институт востоковедения РАН, 2004.
14. Пискунова Ю. Е. Российско-корейские отношения в середине XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.
15. Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 годах. Санкт-Петербург : Типография товарищества «Общественная польза», 1896.
16. Унтербергер П. Ф. Приморская область. 1856–1898 гг. Санкт-Петербург : типография В. Ф. Киршбаума, 1900.
17. Аносов С. Д. Корейцы в Уссурийском kraе. Владивосток : Типография акционерного общества «Книжное Дело», 1928.
18. Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата : Наука, 1965.
19. Нам С. Г. Российские корейцы: история и культура (1860–1925). М. : Институт востоковедения РАН, 1998.
20. Петров А. И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60-90-е годы XIX века = The Korean diaspora in the Russian Far East. 1860s - 1890s / Рос. акад. наук. Дальневост. отд-ние. Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Владивосток : ДВО РАН, 2000.
21. Пак Б. Д., Бугай Н. Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М. : Институт востоковедения, 2004.
22. Ким Хе Чжин. Особенности идентификации корейской молодежи в современной России: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.
23. Кузин А. Т. История корейского населения российского Сахалина (конец XIX – начало XXI вв.): дис. ... д-ра ист. наук. Южно-Сахалинск, 2011.
24. Фаттахова Е. Н. Корейские диаспоры в России и США: история, адаптация и интеграция: Конец XIX-XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2004.
25. Тесленко Т. С. Китайская и корейская миграция на Дальний Восток России и ее влияние на социально-экономическое развитие региона (1860–1917): дис. ... канд. ист. наук. Комсомольск-на-Амуре : Хабаровский пограничный институт ФСБ РФ, 2007.
26. Хон Чжом Сук. Миссионерская деятельность русской православной церкви среди корейцев на русском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2009.
27. Kim G., King R. The Northern Region of Korea as Portrayed in Russian Sources, 1860–1913 // The Northern Region of Korea: History, Identity, and Culture. Ed. by Sun Joo Kim. Washington: University of Washington Press; University of Washington Center for Korea Studies, 2010.
28. Симбирцева Т. М. Современная (1984–2001) южнокорейская историография о характере раннего периода русско-корейских отношений (до 1895 г.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.
29. Сон Ж. Г. Корейцы: миграция по пути длинной в полвека (1864–1918) // Миграция корейцев на русский Дальний Восток: российско-корейские отношения. 1821–1918 гг. Документальная история. М. : Аквариус, 2017.

REFERENCES

1. Turner, F. J. (1920). *The Frontier in American History*. New York: H. Holt and Company.
2. Andreeva, A. A. (2014). “Frontier” as a Cultural and Historical Category. Maykop State Technological University, 3, 11–15. (In Russ.)
3. Soboleva, T. N., Bobrov, D. S. (2011). Sovremennaya rossiiskaya istoriographia konceptsii frontier = Modern Russian historiography of the frontier concept. News of the Altai State University, 4–1(72), 189–193. (In Russ.)
4. Panarina, D. S. (2010). Frontier kak odin iz factorov i mifov amerikanskoy istorii = Frontier as one of the factors and myths of American history. Bulletin of the Moscow University. Ser. 19. Linguistics and intercultural communication, 4, 80–88. (In Russ.)
5. Basalaeva, I. P. (2012). Kriterii frontiera: k postanovke problem = Criteria of the frontier: to the formulation of the problem. Theory and practice of social development, 2, 46–49. (In Russ.)
6. Kostornichenko, V. N. (2020). Istorioraphija vozniknenija termina “frontier” = Historiography of the origin of the “frontier” term (pp. 79–81). *Science without borders: synergy of theories, methods and practices: The digest of articles of an international scientific conference*. Ed. by O. K. Iriskhanova. Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russ.)

Исторические науки

7. Kostornichenko, V. N., Sirvatko, P. A. (2021). Frontier: Theory Genesis, Main Tenets, Development (Historiographical Overview). Institute for U.S. and Canadian Studies, 2(51), 72–89. (In Russ.)
8. Kostornichenko, V. N. (2021). Main Trends of the “Frontier” Studies in the Western Historiography. Economic History: Yearbook, 2020, 489–503. (In Russ.)
9. Park, B. B. (2007). Rossijskaya diplomatiya i Koreya = Russian diplomacy and Korea: PhD in History. Moscow. (In Russ.)
10. Ivanova, L. V. (2007). Istoricheskij opit kulturnogo vzaimodejstvija russkikh i koreitsev (seredina XIX – nachalo XX vv.) = Historical experience of cultural interaction between Russians and Koreans (mid-XIX – early XX centuries): PhD in History. Khabarovsk. (In Russ.)
11. Narochnitsky, A. L. (1956). Colonialnaya politika capitalisticheskikh derzav na Dalnem Vostoke. 1860–1895 = Colonial policy of capitalist powers in the Far East. 1860–1895. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of USSR. (In Russ.)
12. Remnev, A. V. (2001). Imperskoje prostranstvo Rosii v regional'nom izmerenii: dalnevostochnij variant = The imperial space of Russia in the regional dimension: the Far Eastern variant (pp. 317–345). The space of power: the historical experience of Russia and the challenges of modernity. Moscow: Moscow Public Scientific Foundation, (In Russ.)
13. Pak, B. D. (2004). Rossija i Koreya = Russia and Korea. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
14. Piskulova, Yu. E. (2002). Rossijsko-Korejskie otnoscheniya v seredine XIX-nachala XX vekha = Russian-Korean relations in the middle of the XIX – early XX centuries: PhD in History. Moscow. (In Russ.)
15. Busse, F. F. (1896). Pereselenije krestyan morem v Ugno-Ussurijskij kraju = Resettlement of peasants by sea to the South Ussuri region in 1883–1893. St. Petersburg: Printing house of the partnership “Public Benefit”. (In Russ.)
16. Unterberger, P. F. (1900). Primorskaya oblast. 1856–1898 gg. = Primorsky region. 1856–1898. St. Petersburg: V. F. Kirshbaum printing house. (In Russ.)
17. Anosov, S. D. (1928). Korejtsy v Ussurijskom krae = Koreans in the Ussuri region of Russia. Vladivostok: Printing house of “Book Business” joint stock company. (In Russ.)
18. Kim, S. H. (1965). Ocherki po istorii koreitsev = Essays on the history of Soviet Koreans. Alma-Ata: Nauka. (In Russ.)
19. Nam, S. G. (1998). Rossijskie koreitsi: istoriya i cultura (1860–1925) = Russian Koreans: History and culture (1860–1925). Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
20. Petrov, A. I. (2000). Korejskaya diaspora na Dal'nem Vostoke Rossii. 60–90-e godi XIX vekha = The Korean Diaspora in the Russian Far East. 60–90-ies of the XIX century. Vladivostok: Far Eastern Branch of RAS. (In Russ.)
21. Pak, B. D., Bugai, N. F. (2004). 140 let v Rossii. Ocherk istorii rossiiskikh koreitsev = 140 years in Russia. An essay on the history of Russian Koreans. Moscow: Institute of Oriental Studies. (In Russ.)
22. Kim, H. J. (2008). Osobennosti identifikatsii korejskoi molodezhi v sovremennoi Rossii = Features of identification of Korean youth in modern Russia: PhD in History. Moscow. (In Russ.)
23. Kuzin, A. T. (2011). Istorija koreiskogo naselenija rossiskogo Sakhalina = History of the Korean population of Russian Sakhalin (late XIX – early XXI centuries): PhD in History. Yuzhno-Sakhalinsk. (In Russ.)
24. Fattakhova, E. N. (2004). Korejskije diaspori v Rossii i USA: istoriya, adaptacija, integracija = Korean diasporas in Russia and the USA: history, adaptation and integration: The End of the XIX–XX centuries: PhD in History. Krasnodar. (In Russ.)
25. Teslenko, T. S. (2007). Kitajskaya i koreiskaya migrantsya na Dalnij Voskok Rossii i yejo vliyanje na social'no-ekonomicheskoe razvitiye regiona (1860–1917) = Chinese and Korean migration to the Russian Far East and its impact on the socio-economic development of the region (1860–1917): PhD in History. Komsomolsk-on-Amur. (In Russ.)
26. Hong, J. S. (2009). Missionerskaya dejatel'nost' russkoj pravoslavnnoj tservi sredi korejtsev na russkom Dal'nem Vostoke vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. = Russian Orthodox Church's missionary activity among Koreans in the Russian Far East in the second half of the XIX – early XX centuries. Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)
27. Kim, H., King, R. (2010). The Northern region of Korea in Russian sources, 1860–1913. The Northern region of Korea: history, identity and culture. Ed. by Sun Joo Kim. Washington, DC: University of Washington Press ; Center for Korean Studies, University of Washington.
28. Simbirtseva, T. M. (2002). Sovremennaya (1984–2001) ujno-korejskaya istoriographiya o kharaktere rannego perioda russko-koreiskih otnoschenij (do 1895 g.) = Modern (1984–2001) South Korean historiography about the nature of the early period of Russian-Korean relations (before 1895): PhD in History. Moscow. (In Russ.)
29. Song, J. G. (2017). Koreitsi: migrantsya po puti dlinou v polveka (1864 – 1918) = Koreans: migration along the path of half a century (1864–1918). Migration of Koreans to the Russian Far East: Russian-Korean relations. 1821–1918 Documentary history. Moscow: Aquarius. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ким Сергей Петрович

кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических наук и архивоведения
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kim Sergey Petrovich

PhD (History), Associate Professor of the Department of Historical and Archival Studies,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 26.01.2022
одобрена после рецензирования 02.03.2022
принята к публикации 14.06.2022

The article was submitted 26.01.2022
approved after reviewing 02.03.2022
accepted for publication 14.06.2022